

УДК 330.8 + 336.2

А. В. Валеров

**ФОРМЫ КРЕДИТНЫХ СДЕЛОК В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ XIV–XV ВВ.
(по материалам Псковской Судной грамоты)**

Своеобразие обязательственных, в том числе кредитных, отношений в русском праве впервые получило кодифицированное оформление в составе Русской Правды. В период политической раздробленности русских земель содержание кредитных сделок заметно изменилось как вследствие утверждения особого типа экономических отношений, так и в результате дальнейшего развития гражданского права. Благодаря значительному обороту внешней и внутренней торговли, а также выгодному географическому положению (близость балтийских торговых путей и удаленность от Золотой Орды) в Северо-Западной Руси XIV–XV вв. идет процесс становления рыночного хозяйства. В XIII в. кредитные операции уже широко применялись в русско-немецкой торговле, активное участие в которой традиционно принимали города Северо-Западной Руси — Великий Новгород и Псков. В связи с этим в историографии прежде всего освещался вопрос о развитии кредита в русско-ганзейских торговых отношениях [1; 2; 3]. Большая часть использованных исследователями материалов представлена актами главным образом немецкого происхождения. Вследствие этого недостаточно изученным оказался вопрос о роли кредита в складывании внутреннего рынка Северо-Западной Руси.

Среди исторических источников, привлекаемых для характеристики кредитных отношений XIV–XV вв. в данном регионе, первостепенное значение имеет Псковская Судная грамота. На протяжении почти трех столетий, несмотря на свое локальное происхождение, Грамота являлась наиболее полным и разносторонним кодексом норм гражданского, уголовного и семейного права на Руси. По сравнению с Русской Правдой, сосредоточившейся преимущественно на уголовном праве, центральное место в Грамоте занимают статьи, касающиеся оборота прав собственности, имущественных споров и обязательственных отношений, регламентации сложившихся естественным путем торговых порядков. Вобрав в себя правовые нормы предыдущего времени — XII–XIII вв., Псковская Судная грамота в целом является сложным и разновременным по составу источником (см. об этом: [4]).

Алексей Валентинович ВАЛЕРОВ — канд. ист. наук, доцент кафедры теории кредита и финансового менеджмента Экономического факультета СПбГУ. Окончил Исторический и Экономический факультеты СПбГУ. В 2000 г. защитил кандидатскую диссертацию. Сфера научных интересов — теория кредита, денежное обращение, история публичных финансов, рынок ценных бумаг, теория и практика источниковедения. Автор более 30 научных и учебно-методических публикаций, в том числе одной монографии.

© А. В. Валеров, 2010

Постановления Псковской Судной грамоты о кредитно-ссудных операциях и связанных с ними институтах сравнительно рано попали в поле зрения историков права. Начиная с монографии К. А. Неволлина, в отечественной цивилистике традиционно подвергался анализу фундаментальный комплекс статей Псковской Судной грамоты, посвященных обязательству и заложному праву [5, с. 128, 170, 179]. Так, в середине XIX в. один из первых исследователей Псковской Судной грамоты И. Е. Энгельман отнес целую группу статей к разделу «Права по обязательствам» [6, с. 23–68]. Отмечая распространение в Пскове поручительства [6, с. 23–25], отдачи ценностей на сохранение («сблюдение») [6, с. 66–68], автор особо остановился на отношениях займа [6, с. 35–49]. По мнению И. Е. Энгельмана, по Псковской Судной грамоте заем бывает: простой; обеспеченный поручительством; обеспеченный залогом имущества; обеспеченный личной свободой должника [6, с. 35]. При этом, как полагал автор, «во Пскове заем обыкновенно заключался без процентов» и назывался «ссудой», «ссудным серебром» [6, с. 38]. «Особенный вид займа», — согласно И. Е. Энгельману, — «торговля» («заем, заключаемый между лицами торгового звания»), который, однако, «совершался по общим правилам» [6, с. 48].

Акцент на рассмотрении форм удостоверения долговых обязательств был сделан В. О. Ключевским. В своих комментариях к тексту Грамоты он указал на существование в Пскове XIV–XV вв. следующих видов заемных сделок: 1) под обеспечение залога с написанием форменного заемного акта; 2) под обеспечение залога, но без удостоверенного форменного акта, а только по домашней расписке; 3) под обеспечение залога, но без формального акта и без домашней расписки; 4) без залога, только на основании частной расписки. При обеспечении займа залогом ссудные деньги взыскивались, для необеспеченного заемного обязательства законодательство взыскания не предусматривало [7, с. 113–114]. Ученый также предположил, что упоминаемые в связи со ссудными операциями в 29 статье «грамоты» — это «крепостные акты», которые ничего не стоили, не обеспечивали долга, а удостоверяли факт займа, так как должник не мог от них отказаться [7, с. 114].

Об обязательственном праве как одной из отраслей права, нашедших свое отражение в тексте Псковской Судной грамоты, спустя столетие после И. Е. Энгельмана писали советские исследователи И. Д. Мартысевич [8, с. 71–89] и И. И. Полосин [9, с. 63]. Говоря о процентах по займам, Мартысевич допускал, что в Пскове их размер «обуславливался соглашением сторон», а не регламентировался статьями Псковской Судной грамоты [8, с. 81]. Если И. Д. Мартысевич предложил разграничить понятия займа и ссуды, однако так и не разъяснив, в чем же заключалось различие между ними [8, с. 82], то И. И. Полосин, наоборот, вновь соединил заем и ссуду в одно целое [9, с. 63]. Постатейный комментарий данных исследователей к Псковской Судной грамоте мало что прибавляет к уже установленным и охарактеризованным институтам поклада, залога, поручительства.

А. Л. Хорошкевич, отметив внимание составителей Псковской Судной грамоты к регламентации торгового займа, вводит понятие «торговая ссуда» для обозначения товарного кредита, который, в отличие от денежной ссуды, «видимо, не сопровождался взиманием процентов» [3, с. 127]. В целом, по мнению Хорошкевич, многочисленность статей Грамоты, посвященных торговой ссуде, свидетельствует о расширении кредитной торговли, причем как в денежной, так и в товарной форме [3, с. 127].

Интересные обобщения относительно ссуды в контексте статей Псковской Судной грамоты сделаны Ю. Г. Алексеевым. Отметив разнообразие форм ссуды, ученый предположил, что небольшая ссуда (до 1 рубля) была предпочтительнее для псковской городской и сельской «мелкоты», а значительная ссуда (один рубль и выше) — для зажиточных

граждан Пскова [10, с. 78–79]. Особым видом займа Ю. Г. Алексеев называет «торговые деньги» — «кредитные отношения, возникающие при торговых операциях» [10, с. 82–83]. Возвращаясь к вопросу о ссуде, историк разграничил беспроцентную ссуду и ссуду под проценты [10, с. 85–86].

В целом отечественная историография анализировала эволюцию и содержание института кредитования на основе статей Псковской Судной грамоты преимущественно в правовом аспекте. Были рассмотрены в их сравнительно-историческом развитии такие юридические категории, как «залог», «поручительство», обоснована мысль о поглощении личного требования вещным. Одновременно были затронуты вопросы социально-экономического содержания Грамоты, в частности о «вещном кредите» и «процентном займе» [11, с. 228–235; 12, с. 282–286; 13, с. 54–123; 14, с. 16–46]. Накопленный исследовательский опыт в установлении природы кредитных отношений по Псковской Судной грамоте может быть дополнен и осмыслен с помощью категориального аппарата экономической науки.

Развивая нормы Русской Правды, Псковская Судная грамота содержит целый ряд новаций. Ю. Г. Алексеев отмечал: «Если Правда занята, главным образом, охраной привилегированных людей и их собственности... то Псковская Судная грамота уделяет большее внимание мелким сделкам... свободных мелких землевладельцев... Основное отличие Грамоты от Правды — проникновение ее законов вглубь этой среды рядовых непривилегированных свободных» [10, с. 90]. Существенным представляется то, что обязательственные отношения получили в XIV–XV вв. широкое распространение и стали обычным повседневным явлением древнерусской жизни послемонгольского периода.

Формы кредитных сделок

Кредитные сделки на Руси XIV–XV вв. по сравнению с древнерусским периодом стали различаться по своему размеру — они делились на крупные и мелкие. Своеобразным разделом стала величина займа — до одного рубля или больше (статьи 30, 33) [15, с. 290]. С конца XIII в. в Северо-Западной Руси рубль являлся одной из основных денежных единиц с фиксированным содержанием чистого серебра около 170 граммов [16, с. 153–158]. На величину в один рубль можно было, к примеру, приобрести стадо овец в 20–30 голов [10, с. 78]. Следовательно, восходящая к временам Пространной редакции Русской Правды (XII–XIII вв.) старая форма устного заключения сделки теперь сохраняла свое значение только для сравнительно небольших по размеру займов. Долговые сделки с величиной займа до одного рубля получили значительное распространение на местном рынке, были доступны широким слоям населения и представляли собой потребительский кредит, использовавшийся для личных нужд.

Если же величина займа превышала сумму в один рубль, то требовалась «запись», или «рядница»: «А кто имет дават серебро в заим, — ино дати до рубля без заклада и без записи а болши рубли не давати без заклада и без записи» [15, с. 290]. Обязательное письменное заверение крупной долговой сделки стало новшеством Псковской Судной грамоты по сравнению с Правдой Русской.

А. С. Звоницкий считал возможным отождествить «запись» с «закладной доской», видя в ней письменный акт о залоге [14, с. 20–21, примеч. 1]. А. Л. Хорошкевич полагает, что запись — документ, использовавшийся в качестве обеспечения торгового займа, т. е. товарного кредита [3, с. 127]. Если исходить из текста Грамоты, то запись, скорее, следует рассматривать как форму удостоверения сделки (статьи 73, 93, 103) [15, с. 295, 298, 299], в отличие от заклада и поруки. Составление «записи» или «рядницы» происходило при участии представителей государственной власти (статьи 14, 32, 38) [15, с. 287–288, 290,

291]. Так, статья 32 содержит следующее установление: «Аже в лары не будет (“рядницы”. — А. В.) в ты же речи, а исцу знати поручника в своем серебре ...» [15, с. 290]. Таким образом, «запись» — это договор займа, оформленный в письменном виде в двух экземплярах в присутствии представителей государственной власти, который требовал обязательного хранения одной копии в государственном архиве — «ларе» — при Троицком соборе и имел преимущественное значение по сравнению с другими письменными долговыми обязательствами.

Помимо «записи» в качестве письменного способа удостоверения сделки использовались так называемые «доски». Неоднократное упоминание «досок» в статьях Псковской Судной грамоты в связи с дачей и взиманием долга указывает на широкое их применение в кредитных операциях. По сравнению с «записью» «доска» выступает как более древняя форма заверения долгового обязательства. По свидетельству новгородского летописца, еще в 1209 г. восставшие новгородцы, разграбив двор посадника Дмитра Мирошкинича, обнаружили множество долговых «досок», права требования по которым передавались государству в лице княжеской власти [17, с. 51, 248]. Обычно считается, что «доска» — это частный акт или домашняя расписка, записанные на доске либо в книге, снабженной переплетом из досок, либо на бересте (см. комментарии А. А. Зимина к тексту Псковской Судной грамоты: [15, с. 339]). Сделки, оформленные «досками», основывались исключительно на доверии кредитора к заемщику и рассматривались законом всегда как частные [7, с. 114]. Отличительной особенностью «доски», вероятно, являлся односторонний характер ее оформления: заимодавец для себя составлял список должников с указанием размера долга, но при этом письменного подтверждения со стороны заемщика не требовалось.

Как верно заметил В. А. Удинцев, «доска» не являлась абсолютным доказательством займа: ее можно было опровергнуть присягой, которая ставила ответчика в выгодное положение по сравнению с истцом [13, с. 57–58]. Действительно, статья 92 допускает возможность свободного волеизъявления заемщика относительно его права приносить присягу перед кредитором или выбрать судебное разбирательство [15, с. 298]. Статья 31 показывает, что против иска о взыскании денежной ссуды на основании «доски» ответчик может возразить, что не занимал [15, с. 290]. Комментируя содержание данной статьи, Н. Л. Дювернуа заключил, что «на досках не было имени, а ими доказывалось только количество долга» [11, с. 235]. Иначе говоря, «доска» первоначально представляла собой всего лишь некую неформальную памятку, письменную фиксацию безымянного перечня долгов, необходимую для кредитора.

Во избежание злоупотреблений при сделках об имуществе Псковская Судная грамота ограничила размером в один рубль величину денежной ссуды, взимаемой на основании «доски» [15, с. 290], что придавало более официальный характер взаимоотношениям кредитора и должника. Оформление «досками» денежных займов на сумму свыше одного рубля требовало в интересах кредитора залога какого-либо имущества [15, с. 290]. Займы для торговых целей, когда куны брались в «куплю» или в «гостьбу», до определенного момента, видимо, также регулировались посредством использования «досок». Разграничивая законодательно денежный и торговый займы, Псковская Судная грамота устанавливает необходимость взимания «торговых денег» не просто на основании «досок», а с условием наличия при ней двух равносильных экземпляров «рядницы», т. е. официального удостоверительного документа (статья 38) [15, с. 291]. В таком случае «доска» становилась уже документом, свидетельствующим о денежном или товарном вкладе. Кроме того, при помощи «досок» происходило оформление договоров товарищества и поручительства, а также сделки покладажи.

Ростовщический и коммерческий кредит

Рассматривая в целом кредит как предоставление имущественного займа, обнаруживаем в Пскове XIV–XV вв. две его основные разновидности – ростовщический и коммерческий. Статьи 28–32 Грамоты отражают значительное распространение ростовщического кредита в виде денежной ссуды, получившей наименование «ссудное серебро» или просто «серебро» [15, с. 289-290]. Увеличение роли ростовщического капитала было связано с возрастанием кредитоспособности отдельных лиц вследствие быстрого развития на Северо-Западе Восточной Европы товарно-денежных отношений. Массовое «посеребрение» доходов, т. е. приобретение ими денежного характера взамен натурального, позволяло предвосхищать или антиципировать денежные поступления, что и стало основным фактором, стимулирующим ростовщический кредит [18, с. 118].

Денежный заем (ссуда), предоставленный под проценты («гостинец» в статьях 73, 74 Псковской Судной грамоты), позволяет предположить в заимодавце профессионального ростовщика, которого знала еще Правда Русская. Ростовщичество исторически предшествовало появлению банковских структур, а самого ростовщика условно можно рассматривать как генетического предшественника банка. Когда одной стороной кредитной сделки является банк [19, с. 65], то речь идет именно о банковском кредите, точнее, о существовании его зачаточных форм на Руси XIV–XV вв.

Однако основным видом кредита, исходя из содержания Псковской Судной грамоты, на наш взгляд, был кредит коммерческий. Существенным его признаком становится то, что «кредиторами и заемщиками ... являются производственные или торговые предприятия, т. е. непрофессиональные кредиторы» [19, с. 34]. Товарный кредит обозначался терминами «торговля», «торговые деньги» и относился к категории торговых сделок («купетское дело и гостебное»), которые, как правило, держались в тайне и основывались на доверии. Осуществляя куплю-продажу товара в кредит, купцы заключали соглашение об отсрочке платежа или разновременной поставке необходимых друг другу товаров, исполнение которого гарантировало поручительство со стороны третьих лиц. Письменное оформление поручительства по товарному кредиту фактически приводило к возникновению новой формы долгового кредитного документа – переводного товарного векселя. Еще М. В. Довнар-Запольский полагал, что упоминаемые в Псковской Судной грамоте долговые «записи» представляют систему векселя [20, с. 196]. Действительно, поскольку кредитная мена с односторонним обязательством о поставке товара дополнялась обязательством, обеспеченным поручительством третьего лица, то на этой основе могли заключаться вексельные сделки, особенность которых состоит в разнице мест и времени поставки товара и обязательном наличии трех участников: трассанта (векселедателя), ремитента (получателя средств) и трассата (плательщика) [21, с. 99]. Псковская Судная грамота достаточно отчетливо зафиксировала практикуемый во внутренней торговле Руси XIV – первой половины XV в. порядок применения авалья и взыскания долга с поручителя, который древнерусское право времен Правды Русской еще не знало. При необходимости ответчик мог выбрать судебное разбирательство дела или удовлетворить требования истца (статья 101) [15, с. 299].

Сделка поклажи

Традиция передавать какую-либо ценность на сохранение существовала издревле и имела особое жизненное значение при всеобщем отсутствии внутренней безопасности [22, с. 605]. Русская Правда предусматривала устный договор передачи товара в покла-

жу: освобождая такие сделки от необходимости присутствия свидетелей (статья 49) [23, с. 109, 127], Пространная Правда усматривала в поклаже более нравственную услугу, чем обязательство. Псковская Судная грамота отразила более сложный этап в развитии института поклажи. В качестве передаваемых на хранение ценностей здесь фигурировали уже не только товары, но и серебро, т. е. денежные суммы или их товарный эквивалент (статья 14) [15, с. 287–288]. Заключение сделки, связанной с хранением денежных средств, в словесной форме не допускалось: Грамота предписывала оформление договора поклажи в письменной форме на «доске» с «порядной записью», с указанием имен контрагентов и точным перечислением вещей, отданных на хранение (статьи 14, 19, 45) [15, с. 287–288, 292]. Формальное осуществление сделки поклажи могло сопровождаться залогом какого-либо имущества [15, с. 287–288, 299]. Передача в поклажу товара, обеспеченного залогом, превращала «сблюденье» в разновидность торгового кредита. Нередко такие сделки сопровождались организацией торгового или «складнического» товарищества, участники которого осуществляли друг другу предоставление денежных или товарных займов («сябренное серебро» и «торговые деньги»). Возникновение «складничества» сопровождалось заключением в письменной форме договора товарищества, на основании которого могло быть обосновано требование займа или поклажи (статьи 38, 92) [15, с. 291, 298]. Оформление монетарного договора поклажи по своей сути становилось совершением денежного вклада до востребования. Кредитная природа такой сделки проявлялась в возможности использовать переданные на хранение ценности как некоего «кредита без времени», а также в обязательстве уплачивать проценты [21, с. 97].

Обеспечение обязательств кредитного характера

В связи с упорядочением кредитных операций Псковская Судная грамота конкретизирует порядок обеспечения заемного обязательства. Письменное оформление денежного займа на сумму более одного рубля требовало со стороны заемщика имущественного залога (статья 30) [15, с. 290]. Тем самым происходило осложнение договора займа залогом, что одновременно вело к появлению новых письменных документов, удостоверявших сделку — «запись с залогом», «закладная грамота», «закладная доска». Кредитор при наличии соответствующего документа получал возможность выбора: взыскать с должника величину денежной ссуды либо реализовать свои права на имущество, переданное ему в качестве залога (статьи 28, 29) [15, с. 289–290]. В отличие от «доски», являвшейся неформальным актом, «закладная доска» была именованным документом, который признавался бесспорным доказательством. В статье 28 предвидится случай отрицания кредитором уплаты долга, которая, по уверению должника, уже произведена, если договор займа, обеспеченного залогом, был заключен не по форме, без составления «закладной доски» [24, с. 159]. Вместе с тем из данных постановлений не следовало, что стоимость заложенного имущества всегда рассматривалась как «достаточный и безусловный эквивалент за заемные деньги» [13, с. 107]. Статья 31 устанавливает, что кредитор не мог дополнительно потребовать от должника обеспечения свыше стоимости ссуды, даже если стоимость заложенной вещи была ниже занятой суммы. В таком случае залогодатель утрачивал право собственности на объект залога и освобождался от дальнейшей ответственности, прибегая к формуле «у тебе есми того не закладал, а у тебе есми не взимал ничего же» [15, с. 290]. Отрицание долга заемщиком и одновременное устранение возможности его взыскания со стороны кредитора по сути утверждали современный взгляд на залог как на достаточный эквивалент за занятые ценности [12, с. 285–286]. Достоинство данной

статьи заключается в ее двуслойности — она отражает противоречия промежуточного этапа в становлении кредитной сделки нового типа.

В средневековом праве в качестве более раннего способа вещного обеспечения долгового обязательства, как правило, выступает залог движимого имущества [13, с. 89–90]. Псковская Судная грамота уже знает практику обеспечения закладных документов залогом как движимого имущества — «живота» (одежда, оружие, скотина), так и недвижимости в форме участков земли («отчина»), водоемов, дворовых построек [15, с. 290, 299]. В статье 104 рассматривается казус, когда на одно и то же недвижимое имущество предъявлялось до пяти закладных [15, с. 299].

Во времена Русской Правды при преобладании натурального хозяйства ценность, предоставленная в заем, поглощалась должником в процессе потребления. Вследствие этого обещание платежа обеспечивалось, как правило, только производительностью рабочей силы самого должника или его семьи. При этом санкция утраты личной свободы (поступление в долговое холопство) на практике применялась крайне редко. Говоря о взыскании с должника, Русская Правда в статье 55 использует термин «продати» в значении принудительной продажи имущества для покрытия частных убытков [23, с. 110, 155–156]. Поступление в рабство в Правде (статья 61) характеризовалось как «продать обель» [23, с. 111; см. также: 13, с. 136–140; 14, с. 12–15; 25, с. 58–63]. Независимо от величины долга использовалась его отработка в течение не более одного года [23, с. 116, 133, 162]. Тем самым пределы личного взыскания, обращенного на должника, подвергались естественному ограничению в размере капитализированной ценности труда несостоятельного [14, с. 13].

В условиях развития рыночного хозяйства и расширения платежного оборота на базе торговли и ростовщического капитала обеспечение кредита личным взысканием в виде отработочной ренты уже не могло отвечать потребностям экономики. Процессы превращения натуральных доходов в денежные и капитализация ренты в торговых городах Северо-Западной Руси протекали весьма интенсивно. Активное участие в ганзейской торговле на Балтике способствовало не только быстрому накоплению первоначального капитала, но и принципиально иной, по сравнению с натуральным хозяйством, организации кредита. В результате в правовых нормах утверждается принцип имущественной ответственности, позволявший увеличивать размеры обеспечения кредитора пропорционально обороту предпринимательской деятельности заемщика. Взыскание долгового обязательства кредитором происходило уже посредством реализации объективной рыночной ценности предмета залога, что становится возможным только в условиях развитого внутреннего обмена.

По сравнению с другими кодексами древнерусского права Псковская Судная грамота особенно ясно проводит мысль об обеспечении заемного обязательства заложенной вещью, а не личностью самого заемщика (статьи 28–31). Предоставленный для торговых или промышленных целей кредит (об экономических различиях личного и реального, потребительского и производственного кредита см.: [26, с. 423–424]) предполагал соразмерный вещной заклад и ограничивал взыскание рыночной стоимостью объекта залога, что совершенствовало кредитный обмен.

Постановление статьи 30, требуя обеспечения кредитных сделок на сумму свыше одного рубля, находит логическое продолжение в статье 31, устанавливающей принцип эквивалентности залога за деньги, отданные в ссуду. Количественная определенность вещи, обеспечивающей ссуду, указывает на изменение характера долговых сделок, когда в условиях развивающихся торговли и денежного хозяйства имущество находилось

в обороте и приобретало объективную меновую ценность. При этом должник сохранял право собственности на закладываемое имущество, но утрачивал способность к распоряжению этим имуществом. Кредитор, напротив, обладал правомочием распоряжения, но не имел права собственности. В подобной сделке, близкой по своему содержанию к германской «*ältere Satzung*» и французской «*engagement*», кредитор в процессе удержания осуществлял отчуждение лишь экономической стоимости [12, с. 30–31, 246–248]. Отсюда возникала возможность временного использования производительной ценности предмета залога, особенно если в качестве такового выступало недвижимое имущество. Капитализация ренты позволяла осуществлять погашение основной суммы долга, вследствие чего кредитор не мог рассчитывать на безусловное возвращение ссуды. Экономические потери должника ограничивались утратой прав на заложенную вещь. В связи с этим весьма категоричным представляется утверждение о том, что «кредитные операции покоились на неслыханном росте и обыкновенно заканчивались кабалой» [27, с. 292]. Обобщая практику ссудно-заемных операций, законодательство последовательно проводило принцип имущественной ответственности должника, тогда как кредитор мог предъявить вещной иск с требованием обратить взыскание на заложенное имущество [11, с. 230–231].

Когда объектом залога становилась земля, то, как правило, до погашения ссуды она попадала в распоряжение кредитора, который вместо процентов получал доход от ее эксплуатации [18, с. 122]. Тем самым происходила реализация производительной ценности заложенного имущества, а экономическая выгода кредитора состояла в получении периодических рентных платежей, которые могли учитываться в стоимости заемного капитала либо рассматриваться только как проценты с него. В одном случае происходило постепенное погашение основной суммы долга, в другом — кредитор продолжал осуществлять право пользования предметом залога до момента возврата занятой суммы. Подобные кредитные сделки были распространенным явлением Средневековья: в терминологии германского и французского права сделка первого рода именовалась как «*Todtsatzung*» или «*vifgage*», сделка второго рода, соответственно, «*unabniessendes Pfand*» или «*mortgage*» [12, с. 31–32, 251–252]. Покупка ренты по сути представляла собой разновидность заемной трансакции и со временем трансформировалась в обычный заем за проценты, в котором покупаемая первоначально займодавцем денежная рента стала примерно соответствовать величине заемного процента [2, с. 250].

Исполнение потребительского кредита, когда ссуда представляла собой незначительную величину, связывалось с поручительством. В древнерусском праве институт поручительства оформился рано [28, с. 22, 117]. В небольшой общине-верви, к которой принадлежали кредитор и должник, кредит являлся личным, и самое большее, что мог потребовать кредитор — поручительства со стороны родственников или соседей, т. е. действовала круговая порука. По мере обособления лица от общины, расширения товарооборота и ускорения товарно-денежных отношений возникала потребность в перенесении поруки с лица на имущество [13, с. 89].

В правовых нормах русско-немецких договоров XIII в. поручительство представлено еще как архаическое явление; оно носит семейный характер и выступает как самозаложничество, когда поручитель отвечает наравне с главным должником личной свободой: «А поручится жена за своего мужа, и идти ей в холопство за долг вместе со своим мужем, если они не могут заплатить» [29, № 31, с. 61]. Однако в данном случае не совсем ясно, является ли эта норма реципированной из германского права или она восходит к древнерусскому правовому обычаю. В последнем случае она бы вступала в коллизию

с уже упоминавшимися статьями Русской Правды, запрещавшими обращать в рабство неисправного должника.

Прежде всего для защиты имущества поручителя от необоснованных посягательств кредитора Псковская Судная грамота установила жесткое ограничение: «А поруке быть до рубля, а болши не быти рубля» [15, с. 290]. Анахронизм поручительства состоял в том, что как более древний по сравнению с залогом институт оно содержало элементы личного взыскания и не могло быть использовано в качестве средства для количественного увеличения кредита [14, с. 34–35]. Отсюда неслучайная связь поручительства именно с потребительским кредитом. Вместе с тем обеспечение мелкой кредитной сделки поручительством указывает на широкое распространение практики заемных операций среди различных слоев населения. Еще одной инновацией стало обязательное письменное оформление поручительства «рядницей», т. е. договором (статьи 32, 45) [15, с. 290, 291, 292].

Заемное обязательство обеспечивалось поручительством и во внешнеторговых сделках, хотя консервативная кредитная политика Ганзейского союза на Руси не способствовала интенсификации развития данного института. Тем не менее актовые документы отобразили существование практики поручительства за немецких купцов в Пскове начала XIV в. Так, псковитянин Иван Голова поручился за жителя Риги Нездильца, который «побежал» в Ригу, уклоняясь от уплаты долга [29, № 332, с. 317–318]. В грамоте, отправленной городским властям Риги с требованием выдачи должника Нездильца, особенно подчеркивалось постоянство поручительства: «Зде ваша братия и дети ваши торгуют и въводять люди добры въ поруку» [29, № 332, с. 318]. Общее правило псковского права о том, что взыскание по заемному обязательству могло быть исполнено лишь в том случае, когда кредитор подтверждал свои претензии официальным экземпляром письменного договора, безусловно, распространялось и на поручителя при несостоятельности должника [28, с. 25].

Процент

Псковская Судная грамота не запрещает взимание процентов по кредитным операциям, но стремится регламентировать процедуру погашения ссуды и подчеркивает особую роль государства в сфере контроля над величиной процентной ставки по ссудам. В статье 73 определена функция государственной власти («господы») в процессе взимания процента («гостинца») с суммы, отданной «в рост»: «А которому человеку на ком будет имание по записи, да и гостинец будет писан на записи, а придет зарок (срок уплаты долга. — *А. В.*), — ино ему явит госпде о своем гостинце, ино и по зароки ему взять свои гостинець; а толко не явит зарок госпде, — гостинца ино ему не взять по зароке» [15, с. 295]. Хотя, в отличие от Русской Правды, Псковская Судная грамота не указывает конкретную допустимую величину процентной ставки по ссуде, важно другое — заимодавец обязан предоставлять государству сведения о размере процента и сроках выплаты долга в соответствии с заемной записью. В противном случае кредитор лишается права на получение процентов. Псковская Судная грамота содержит еще одно новаторство по сравнению с нормами Правды Русской: в ней определен порядок досрочного погашения задолженности по ссуде и уплаты процентов (статья 74) [15, с. 295–296]. Предъявление требования к должнику на положенные проценты до наступления срока платежа без его согласия рассматривается как нарушение договорных обязательств, и кредитор также утрачивает право их взимания, но при этом сохраняет право на получение своей ссуды.

Ю. Г. Алексеев справедливо отмечал: «Сегодняшний кредитор может стать завтра должником, и наоборот — такова принципиальная постановка вопроса в Грамоте...

Грамота не дает особых юридических преимуществ ни кредитору, ни должнику. Но за этим формальным равноправием скрывается явление большой социальной значимости» [10, с. 87]. Действительно, строго регламентированный и контролируемый государством порядок предоставления процентной ссуды способствовал расширению самих кредитных операций, а значит — дальнейшему развитию денежно-кредитных отношений.

Взимание процентов по товарному кредиту и сделке поклажи регулировалось по общему правилу в соответствии со статьей 73 на основании предъявления «записи» [15, с. 295]. Кроме того, заключение договора поклажи могло сопровождаться неформальным или скрытым установлением процентов ввиду фидуциарного характера подобной сделки. Передача имущества в поклажу по сути граничила с договором товарищества, и реализация процента также могла осуществляться в форме «наклада», «настава», «присопа» товаром или возврата капитала с известной долей прибыли.

Социально-экономическая роль кредита

В период кодификации норм псковского права в общественном правосознании под влиянием условий хозяйственного быта прочно закрепилось представление о производительной роли кредита. Наряду с ростовщическим кредитом потребительского назначения развиваются торговый и промышленный кредит, основанные на использовании заемных ценностей в деловом обороте в целях их пропорционального увеличения. Отсюда возникает и быстро утверждается современный тип кредитной сделки, в которой залоговое отчуждение имущества в пользу кредитора ограничивается вещными правами должника: право собственности на предмет залога остается у последнего, тогда как кредитор осуществляет владение и пользование заложенным имуществом без поглощения его в процессе потребления.

Указывая на существование в Северо-Западной Руси XIV–XV вв. основных видов коммерческого кредита, Грамота позволяет получить представление о становлении товарного кредита (предоставлялся в товарной форме, долг погашался в товарной или денежной форме); коммерческого торгового кредита (предоставлялся и погашался и в товарной, и в денежной форме) (об основных видах хозяйственного (коммерческого) кредита см.: [30; 19, с. 35 и след.]); о ростовщических денежных займах потребительского и производительного характера (с возвратом долга исключительно в денежной форме). Соответственно, любой вид кредита мог сопровождаться как залогом движимого и недвижимого имущества, так и поручительством. Неформальные, ничем не обеспеченные личные кредитные сделки постепенно уходят в прошлое. Обеспечение заемного обязательства поручительством или вещественным залогом представляет собой переходный этап в развитии института кредитования. Простейшие, непокрытые формы кредита (*desouvert*), представленные обещанием платежа, постепенно сменяются кредитом частично покрытым, выражением которого становится уже приказ платежа [31, с. 268–269]. Совершенствование содержания обеспеченного заемного обязательства одновременно сопровождалось утверждением сложной письменной процедуры заключения кредитной сделки: она становится строго формализованной и материализуется в акте, который подлежит заверению государственными властями.

Статьи Псковской Судной грамоты об имущественных отношениях дают как бы вертикальный разрез общества XIV–XV вв. и позволяют различить в нем два социальных слоя: верхний — те, кто имеет возможность предоставлять кредит на разных условиях (в том числе денежную ссуду под проценты), и нижний — те, кто вынужден обращаться к

кредиторам, предоставлять залог, искать поручителей и кто оказывался в долговой кабале [10, с. 89–90].

Таким образом, сущность денежно-кредитных отношений на Руси XIV–XV вв. заключалась в том, что они не только являлись одной из важнейших составляющих организации экономической системы русских земель в период после распада Древнерусского государства на самостоятельные волости (княжества), но и превратились в один из значимых факторов, влиявших на формирование имущественно и социально дифференцированной структуры русского средневекового общества. Безусловно, мы далеки от того, чтобы абсолютизировать роль кредита в эволюции общественных отношений на Руси в эпоху феодализма. Поэтому несколько категоричными представляются такие, например, суждения: «Вне феодально-крепостнических отношений кредитные отношения не могут быть правильно рассмотрены и понятны. Отношения займа, долга выражали возрастающую феодально-крепостническую зависимость крестьянина от землевладельца <...> Различные формы задолженности феодального населения “использовались” господствующими классами для усиления феодальной эксплуатации ...» [32, с. 252–253].

Конечно, в обществе, которое имущественно и социально неоднородно, где налицо очевидная социальная стратификация, отношения по линии кредитор — должник вписывались в целом в отношения зависимости одной категории населения от другой. Вместе с тем процессы, которые прослеживаются в денежно-кредитной сфере русской средневековой экономики, представляли собой лишь одну из многочисленных черт эволюции феодального общества в XIV–XV вв. и, скорее, должны рассматриваться как признак, отражающий формирование определенного типа кредитных отношений и практики его правового обеспечения.

-
1. *Клейнберг И. Э.* 1. Оформление договора купли-продажи и мены в ганзейской торговле Новгорода и Пскова // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1970. Т. III. С. 130–148.
 2. *Клейнберг И. Э.* Заемный процент в Великом Новгороде первой четверти XV в. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1974. Вып. VI. С. 241–251.
 3. *Хорошкевич А. Л.* Кредит в русской внутренней и русско-ганзейской торговле XIV–XV веков // *История СССР.* М., 1977. № 2. С. 125–140.
 4. *Алексеев Ю. Г.* Вопросы истории текста Псковской Судной грамоты // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1979. Т. XI. С. 49–57.
 5. *Неволин К. А.* История российских гражданских законов. СПб., 1851. Т. III.
 6. *Энгельман И.* Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной грамоте. СПб., 1855. С. 23–68.
 7. *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. VII.
 8. *Мартышевич И. Д.* Псковская Судная грамота. Историко-юридическое исследование. М., 1951.
 9. <*Полосин И. И.*> Псковская Судная грамота // *Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина.* Т. LXV. Кафедра истории СССР. Вып. 3. М., 1952.
 10. *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980.
 11. *Дювернуа Н. Л.* Источники права и суд в древней России. Опыт по истории русского гражданского права. М., 1869.
 12. *Кассо Л. А.* Понятие о залоге в современном праве. Юрьев, 1898.
 13. *Удинцев В. А.* История займа. Киев, 1908.
 14. *Зволицкий А. С.* О залоге по русскому праву. Киев, 1912.
 15. Псковская Судная грамота // *Памятники русского права.* М., 1953. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв.
 16. *Янин В. Л.* Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1970. Т. III.
 17. Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. III.

18. *Михалевский Ф. И.* Очерки истории денег и денежного обращения. Л., 1948. Т. I. Деньги в феодальном хозяйстве.
19. *Пещанская И. В.* Краткосрочный кредит: теория и практика. М., 2003.
20. *Довнар-Запольский М. В.* История русского народного хозяйства. Киев; СПб., 1911. Т. I.
21. *Канаев А. В.* Эволюция коммерческого кредита и формирование кредитного рынка // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2008. Сер. 5: Экономика. Вып. 2. С. 91–105.
22. *Владимирский-Буданов М. В.* Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1909.
23. Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. I. Тексты.
24. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия по истории русского права. Изд. 5. СПб.; Киев, 1899. Вып.1.
25. *Струмилин С. Г.* Договор займа в древнерусском праве. М., 1929.
26. *Туган-Барановский М. И.* Основы политической экономии. СПб., 1909.
27. *Святловский В. В.* Примитивно-торговое государство как форма быта. СПб., 1914.
28. *Никонов С. П.* Поручительство в его историческом развитии по русскому праву. СПб., 1895.
29. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
30. *Postan M.* Credit in Medieval Trade // The Economic History Review. 1928. Vol. 1. N 2. P. 234–261.
31. *Кауфман И. И.* Кредит, банки и денежное обращение. СПб., 1873.
32. *Хромов П. А.* Очерки экономики докапиталистической России. М., 1988.

Статья поступила в редакцию 6 мая 2010 г.